

Курбатов С.

Любовь человека будущего: статья о Чехове

Источник: Заря. Харбин, 1935. 16 июня. № 159. С. 3.

В письме к Суворину, относящемся к 1895 году, А.П. Чехов пишет определенно: «Я женюсь хоть сейчас, но дайте мне такую жену, которая, как луна, не каждый бы день появлялась на моем небе».

Слова очень характерны для сдержанного, замкнутого Чехова, для Чехова, творца таких жестоких женских типов, как Наденька, как Душенька, как жена профессора в «Скучной истории» и др. Трезвый, четко относящийся к действительности, зоркий Чехов не мог не видеть, какую трудную проблему обыкновенной человеческой жизни представляет из себя брак. Положим, эта проблема предстает всем, но ведь именно все и решают ее неправильно. Это-то и ужасно! О браке много говорится, в смысле его святости, почтенности, говорится о том, что он «основа государства». Но какой брак? Брак, в котором сплошные ссоры, в котором одна сторона обрекает себя на рабское служение другой стороне. Женщина чернит зубы, чтобы намеренно быть безобразной – все это едва ли тот брак, который считают «основой» того строя, к которому надо теперь возвратиться.

Чехов был человеком огромного ума, огромной выдержки, человеком, который видел все эти проблемы в их обыденном массовом значении. Правда, он не писал прямо про них, но зато он сам переживал их. Вот почему столь захватывающе-интересно проследить, как сам Чехов прошел этот иску, какова была его любовь, каков был брак Чехова.

На этот вопрос дают нам любопытный ответ «Воспоминания» О.Л. Книппер-Чеховой – супруги писателя, в которых имеются ее письма Чехову, как и письма великого нашего мастера пера. Молоденькой барышней, немного чопорной, хорошо воспитанной, не из чисто русской семьи («ах ты, моя немочка!») – называет ее Чехов в одном письме, Ольга Леонардовна вошла в труппу Художественного театра. Театр, один театр казался ей способным заменить всю жизнь.

И вот роковая записка Вл. Ив. Немировича-Данченко – говорит Ольге Леонардовне:

«Завтра 9 сентября Чехов будет на репетиции “Чайки” в Охотничьем клубе».

Было это в 1898 году.

Книппер играет «Чайку», и, как известно, «Чайка» проходит триумфально, опозоренная и провалившаяся в Александринке. За два года перед тем Книппер попадает в фокус внимания Чехова. После «Чайки» она гостит три дня в чеховском имении под Москвой – «Мелихове», и затем начинается длительная, нежная «чеховская переписка».

Сперва о любви ни слова, но развивается и разгорается то, что издавна так выразительно именуется «атом». И когда Чехов уезжает в 1899 году в Ялту, молодая Ольга Леонардовна пишет ему просто, по-человечески:

«С вокзала на извозчике я ревела всю дорогу».

Но Чехов, милый, веселый и тонкий Чехов, ничего не замечает. Вернее – не хочет замечать. «Милая актриса», «великолепная актриса» – вот чем пестрят его письма. И по существу даже не «актриса». У Чехова ведь беспощадно обрисована эта порода людей – «актрис». Она, Книппер, пленяет Чехова как женщина

талантливая, сильная, столь вдумчиво относящаяся к искусству, тому искусству, которое Чехов любил – к театру. Но с другой стороны – он боится за себя, за то, что он может потерять свободу, свой размеренный, творческий уклад.

Эта осторожность Чехова продолжается, но чувство Ольги Леонардовны растет, и в феврале месяце 1900 года она пишет ему такие глубоко обиженные строки, в которых чувствуется пушкинская Татьяна:

«Что это значит, мой дорогой писатель? Вчера слышала от Марии Павловны [сестра Чехова], что вы уезжаете за границу на целое лето. Этого не может быть – слышите! Невероятно жестоко делать такие вещи! Сию же секунду отвечайте мне – ведь лето мы будем вместе?!»

О<льга> Л<еонардовна> не выдерживает. О<льга> Л<еонардовна> прорывается. Но Чехов отписывается шуточками, и только когда в апреле месяце этого года Художественный театр театр едет в Ялту, то О<льга> Л<еонардовна> выезжает раньше, с Марией Павловной, то вялое чувство Чехова подогрывается, спадает осторожность, его боязнь потерять самостоятельность.

«Напишите мне хорошее, искреннее письмо, не отделяйтесь, пожалуйста, фразами», – пишет Чехову после этой встречи, после проведенной в Ялте Пасхи О<льга> Л<еонардовна>.

И Чехов очень скоро приезжает в Москву, к ней, связанной с Художественным театром, с напряженной работой, приезжает всего через две недели. Но по-прежнему Чехов неуловим. Правда, в августе того же 1900 года они переписываются уже на «ты», но вот горький отрывок из письма О<льги> Л<еонардовны>, который показывает, что Чехов по-прежнему скрытен и неясен в своих действиях для Книппер:

«Меня тут все спрашивают в Художественном Театре – когда ты придешь? А я что могу ответить!»

Чехов пишет, но подписывает свои теплые и грустно-нежные письма чуть юмористически – «Антонио». Но опять ни слова о будущем. Книппер волнуется, но как умная женщина, сдерживает себя: только отдельные фразы ее писем говорят об ее чувстве, о том, к чему направлены ее мысли:

«Ну, как же все-таки будет? – пишет она. – Мы так много с тобой про это говорили. Ах, ты мой человек будущего!»

В этой горькой шутке виден, однако, большой смысл. Чехов – действительно «человек будущего». Осторожно, ощупью идет он, чтобы не ввалиться в то, что может быть названо «наследием прошлого», чтобы не попасться в брак, как «кур во щи», как какой-нибудь «Кинкулькин».

О<льга> Л<еонардовна> пишет об общей неловкости своего положения, о нелегкости по отношению к семье, и своей, и Чехова, но Чехов отвечает так:

«Я скучаю и злюсь! Денег выходит чертовски много, я разоряюсь, я вылетаю в трубу. Сегодня жесточайший ветер, буря, деревья сохнут. Дуся, мне скучно!»

Письмо решительно «не на тему». Не на тему и следующее письмо Чехова:

– Я уеду в Париж, вероятно, в Ниццу, в Африку, если в Африке не будет чумы, – пишет Антон Павлович.

И добавляет:

– Сердишься на меня, Дуся? Что делать! Мне темно писать, свечи мои плохо горят. [Чехов всегда писал при свечах.] Милая моя, прощай, будь весела! Пиши чаще.

В своих воспоминаниях Книппер говорит об этом тягостном периоде ее жизни: – Я часто тогда думала – да нужна ли ему жена? Я чуяла в нем человека-одиночку. Чуяла и все же наступала. Боролась за женское свое счастье.

– Отчего ты не пишешь, Антон? – читаем мы в письме О<льги> Л<еонардовны> в Ялту осенью 1900 года. – Не понимаю прямо. Или у тебя нет потребности видеть меня? Что тебе мешает? Почему ты не едешь? Здесь в Москве тепло, хорошо, мы могли бы быть вместе. Я не вынесу зимы, если не увижу тебя.

Ведь у тебя нежное, любящее сердце, зачем ты его делаешь черствым? Мне ужасна мысль, что ты сидишь один и все думаешь, думаешь! Или ты не хочешь соединить нашу судьбу? Напиши же мне все откровенно!

А. Чехов по-прежнему верен себе. По-прежнему он ускользывает:

– Милая моя Оля, славная моя актрисочка, почему этот тон, эти жалобы, это кисленькое настроение? Я тебе говорил уже 10000 раз, что тебя люблю и больше ничего!

Зиму Чехов проводит за границей, как и решил, а весной 1901 года зовет О<льгу> Л<еонардовну> к себе в Ялту на Пасху.

Книппер ему отвечает:

– А на Пасху я все-таки не приеду! Подумай и пойми, почему. Это невозможно! Зачем я приеду? Скрываться от твоей матери? Это тяжело, поверь! До каких же пор мы будем скрываться? И к чему это? Из-за людей? Люди скорее замолчат и оставят нас в покое, раз увидят, что все – совершившийся факт. Понял?

И снова, снова «не понимает» Чехов. Он пишет, что ему хочется побывать на Пасху в Москве. Что он едет в Москву.

Тогда О<льга> Л<еонардовна>, зная его плохое здоровье, решительно телеграфирует, сдавая свои позиции:

– Выезжаю завтра. Ольга.

Через две недели она вернулась в Москву, и опять-таки ничего. Чехов пишет по-прежнему «свои» письма:

– Дуся моя, каждый день в Ялте дождь! Что ты делаешь в Москве? Напиши, не ленись, что в Москве. Без тебя скучно. Сегодня принимаю «олеум рицини».

– Боже мой! Приезжай же ты, и повенчаемся, будем жить вместе, – на это «олеум рицини» отвечает Книппер. – Да, милый Антоша?

О<льга> Л<еонардовна> не знает, что делать. Она мечется. История зашла слишком далеко; но вот мать ее хочет менять квартиру, и той нужно знать – одна будет дочь или нет? Это просто – «мелочи жизни», но которые вынуждают то или иное решение. Что делать! Что делать!

И наконец-то в одном письме, в конце, среди разных поклонов и новостей, Чехов пишет:

– Если ты дашь слово, что ни одна душа в Москве не будет знать о нашей свадьбе до тех пор, пока она не совершится, то я повенчаюсь с тобой хоть в день приезда. Ужасно почему-то боюсь венчания и поздравлений, и шампанского, которое придется держать в руке и при это неопределенно улыбаться. Из церкви хорошо бы уехать не домой, а прямо в Звенигород.

Чехов приехал, они повенчались 25 мая 1901 года и прямо уехали, но не в Звенигород, а по Волге, Каме, Белой – в Уфимскую губернию, на кумыс.

И действительно, жена Чехова, О<льга> Л<еонардовна> Книппер была для него «луной». Она появлялась у Чехова лишь летом, работая все зимы в

Художественном театре, а Чехов изредка наезжал по состоянию здоровья из Крыма.

– Я приеду в Москву в сентябре, – пишет он вскоре после отъезда жены из Ялты, – как только напишешь. Без тебя очень скучно, я привык к тебе, как маленький, без тебя неуютно и холодно. Я счастлив с тобой.

Луна появлялась лишь на лето. Но их уже мало оставалось, этих лет! В июльскую ночь в Баденвейлере в 1904 году почил Чехов на руках О<льги> Л<еоновны> вечным сном, заканчивая эту мучительную, но вечно острую и крепкую «любовь издали», любовь «человека будущего».